

В очередной книге серии «Philologica russica et speculativa» представлен 21 очерк, посвященный анализу смысла и истоков особых пушкинских словоупотреблений, называемых по традиции «темными местами». Их уникальный характер авторами показывается и по необходимости доказывается: как известно, язык первой трети XIX столетия – это язык другой эпохи, поэтому пушкинская простота таит в себе немало многозначительных мелочей, в которые надо внимательно взглядеться, чтобы понять не только отличие, но и самое наличие «темных мест». Так что на самом деле авторы демонстрируют не только технику описания расхождений с современным языком, но и технику обнаружения того, во что именно надо всматриваться. И именно в этом проявляется, как кажется, наиболее значительная отличительная особенность продемонстрированной в книге филологической стратегии, строгой и вместе с тем узнаваемой по индивидуально-авторским обертонам.

Особенно непросто увидеть подобные неявные неясности в тексте классическом, и настолько закомментированном специалистами, что, кажется, ничего не осталось неразгаданным, и читательское восприятие которого закоснело под гипнозом школьной программы и примелькалось настолько, что, как пишут авторы, «нам иногда неизвестно даже буквальное значение слов, давно знакомых нам из книг» (с. 8). Это столкновение определений «давно знакомый нам» и «неизвестный нам» здесь не выглядит нарочитым, ибо оно кратко определяет сквозной мотив всей книги. В сущности, эта антитеза в формулировке может быть воспринята и как сознательное отнесение к термину «остранение».

Каждый из очерков, возвращающий свежесть и странность восприятия терпеливому читателю, озаглавлен либо привычной пушкинской строкой (13 очерков), либо более короткой, порой и однословной цитатой. Первые пять-семь строф главы первой «Евгения Онегина», да и другие места из «Онегина» довольно часто заучиваются школьниками наизусть. Таким об-

разом, притворно понятный и нередко затверженный заголовок очерка противопоставляется его тексту как комментарию, разоблачающему его глубинный сокровенный смысл, невидимый нам и очевидный и существенный для Пушкина и его современников-читателей.

Последовательность очерков в точном соответствии с расположением комментируемых цитат в тексте «Евгения Онегина» также указывает на жанровое родство очерков с комментариями к произведению. Однако филологическая герменевтика, представленная в виде ряда филигранных образцов в этой книге, и прикладное комментирование, в основном школьного уровня, при всей несомненности их родства и параллельной нацеленности на прояснение неочевидных для читателя мест в тексте, пересекаются разве что только где-то за горизонтом.

И дело не только в коренном отличии подходов: при комментировании обычно растолковывается неясное слово, а в рассматриваемой книге расследуется, откуда взялся вроде бы в целом ясный контекст или наименование. Дело, главным образом, в инструментарии, позволяющем касаться «малых... величин».

Понятно, что преодоление непонимания и уточнение достигнутого уровня понимания – это вечная борьба с забвением. Так что возвращение к авторскому восприятию текста не лишается смысла из-за того, что остается уделом небольшого круга читателей.

Одним из инструментов возвращения к подлинному смыслу поэтического словоупотребления является анализ словарей прошлого и настоящего. Кроме того, изучение вариативности оформления текста, пушкинской «текстологии и орфографии» (с. 10) также поставлено на службу растолкования.

Если от линейного расположения очерков перейти к тематическому, то становятся более явными принципы их отбора для книги.

Во-первых, это образы античности и истоки их усвоения и осмысления в поэзии Пушкина: строкой «*Всевышней волею Зевеса*» задается указание на «ироикомиические истоки» романа в стихах (с. 11 и сл.); неявные синонимичные

названия красавицы «*Армида. Цирцея. Филлида*» исследованы по черновым вариантам (с. 84 и сл.); «*Озарена лучем Дианы*» так говорили про Луну, что неправильно, но поэтично (с. 150 и сл.); «*Немолчный шопот Нериды*» уводит нас в Пушкинский Крым (с. 181 и сл.); а также толкуемое в связи с гречизмом планета и его переводами «*У ночи много звезд прелестных*» (с. 170 и сл.) и в связи со словом скандал и проч. рассматриваемое выражение «*Соблазнительная честь*» (с. 187 и сл.).

С этим блоком тесно связаны толкования упоминаний имен античных деятелей искусств и поэзии, поэтической терминологии: «*Потолковать об Ювенале*» (с. 43 и сл.); «*Виргилий & al.*» (с. 133 и сл.); «*Эпикурейцы-мудрецы*» (с. 156 и сл.); «*Его цевницы первый стон*» (с. 100 и сл.); «*Текут элегии рекой*» (с. 118 и сл.). Помимо простой денотативной идентификации (как для слова *цевница*) здесь представлена еще и реконструкция того, как воспринимались и оценивались Пушкиным упомянутые деятели древности, что для него значили их имена.

Можно выделить особую тему рассмотрения дендизма как явления заимствованного и его атрибутов: «*Как Dandy Лондонский одет*» (с. 19 и сл.); «*Ученый малый, но педагог*» (с. 28 и сл.); «*Rost-beef и beef-steaks*» (с. 64 и сл.); а также взятый из вариантов текста и быстро демократизированный «*Винегрет / vinaigrette*» (с. 72 и сл.). Племяннику-денди противопоставлен всем образом жизни дядя, который «*В окно смотрел и мух давил*» (с. 91 и сл.).

Тема конного транспорта оказывается по-настоящему чуждой современному массовому читателю и также отчаянно нуждается в герменевтическом сопровождении: «*"Поди! поди!" раздался крик*» (с. 50 и сл.); «*Ямщик сидит на облучке*» (с. 125 и сл.); «*Форрейтор бородатый*» (с. 160 и сл.) – все три эссе воссоздают эту забытую сторону повседневного быта прошлого.

Исследование итальянского эпитафия к шестой главе «*Una gente a cui l'morir non dole*» (с. 142 и сл.) открывает массу осколков, содержательная ценность которых возрастает по мере их компоновки в единое целое. При этом демонстрируется, каким образом ничтожные показания контекста могут привести к источнику цитирования и помочь нам понять, как формировались и чем ограничивались представления Пушкина об итальянской поэзии.

«*Корсар в отставке, Морали*» из редко дочитываемого «Путешествия Онегина» (с. 207 и сл.) завершает представление. Приближаясь к читателю, он так и остается фигурой не до конца разгаданной. Вряд ли удастся исчерпать это нарочито туманное описание, но хочется добавить, что «сын Египетской земли» по-грече-

чески – это, весьма вероятно, γύφτος ‘цыган’ < ‘египтянин’. Это тем более любопытно, что на возможной родине корсара Морали в Морее (с. 213), т.е. Западном Пелопоннесе, находился и Малый Египет, из которого, как предполагается, еще в начале XV в. первые группы византийских цыган устремились в Европу [Soulis 1961: 16].

Рассмотрим вслед за авторами один из очерков, чтобы ближе познакомиться с используемым методом. Сегодня читательский взгляд, как правило, не задерживается на свободном словосочетании *прелестные звезды*:

«У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве» (7, LII, 1–2).

Но исследователи неоднократно обращали на него внимание. М.И. Шапир указал на источник – сравнение красавиц со звездами в «Искусстве любви» Овидия (I, 59): «...» *quot caelum stellas, tot habet tua Roma puellas* = «...» *сколько на небе звезд, столько в твоём Риме молоденьких женщин*. Такой параллелизм образов говорит о весьма вероятной пресмственности.

Более широкий контекст у Пушкина содержит сравнение первой красавицы с луной, окруженной звездами, и этот образ, как показывают авторы, имеет переклички с поэзией и прозой русских предшественников Пушкина. Но и пушкинская строфа вскоре также начинает отражаться в новых поэтических произведениях, например, у Е.А. Баратынского. Восстановление такого ряда связей позволяет взглянуть на сравнение красавиц со звездами, Луной как на развитие традиционного поэтического образа, восприятие которого в свете предложенного комментария становится еще более сложным, обогащается за счет открытых параллелей.

Наряду с этим обнаруживается и своеобразие определения *прелестные* при звездах: «Прежде всего, оно воспринимается как относящееся не только и не столько к звездам, сколько к красавицам, которые сравниваются со звездами». Кроме того, в этот период особенно значимым было столкновение двух значений прилагательного *прелестный*: нового значения «1) очаровательный, чудный, прекрасный» и прежнего, восходящего к церковной литературе, значения «2) обольстительный, связанный с обольщением, соблазнами». При этом авторы показывают, что церковная и архаическая традиция, в неявном виде присутствуя, не является лишь пассивным фоном для нового словоупотребления: ею обусловлено и употребление самого словосочетания *прелестные звезды*. Последнее восходит к греческим обозначениям небесных тел и подкреплено новозаветными контекстами. «Иначе говоря, выражение *прелестные звезды* в LII строфе

7-й главы пушкинского “романа в стихах” может трактоваться и как свободное субстантивно-адъективное сочетание, в котором сохраняются самостоятельные лексические значения обоих компонентов (‘прелестные’ + ‘звезды’), и как фразеологическое сращение с одним из двух неразложимых значений – ‘планеты’ (‘блуждающие звезды’) или ‘метеоры’ (‘падающие звезды’)».

Даже из этого схематичного пересказа видно, что учет незначительных показаний контекста и цитатных перекличек позволяет наряду с поверхностным и лишь в целом верным пониманием поэтического образа (обычным для массового восприятия) предложить и углубленную интерпретацию, обоснованную с учетом исторических связей и убедительно реконструирующую подлинный авторский замысел, далеко не всегда очевидный для современного читателя. После прочтения книги возникает ощущение, что показан лишь небольшой фрагмент добытого материала, что вполне созвучно жанру очерков.

Книга пополняет современную герменевтическую линию отечественной пушкинистики,

недавно обогатившуюся и работами редактора рецензируемого издания А.Б. Пеньковского [Пеньковский 2005].

Прекрасные указатели (слов, форм и выражений, произведений и писем Пушкина, имен собственных) делают пользование книгой именно в специальных филологических целях не только оперативным, но и комфортным. В отношении качества служебного аппарата, как и в отношении оформления, книга задает высочайшую планку. Остается только пожелать, чтобы такой пример стал образцом для подражания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пеньковский 2005 – *А.Б. Пеньковский*. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М., 2005 (Philologica russica et speculativa. T. IV).
Soulis 1961 – *C.S. Soulis*. The Gypsies in the Byzantine Empire and the Balkans // *Dumbarton Oak Papers*. № 15. Washington, 1961.

В.В. Шаповал